

ПАМЯТИ ФИЛОСОФА

Николай Алексеевич Грякалов (15.09.1978 – 18.07.2014)

18 июля 2014 года скоропостижно скончался Николай Алексеевич Грякалов, философ, социальный антрополог, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Николай Алексеевич родился 15 сентября 1978 года в г. Ленинграде. В 2000 году с отличием окончил философский факультет СПбГУ, в 2003-м — аспирантуру по кафедре социальной философии и философии истории, защитив кандидатскую диссертацию «Террор: социально-философский анализ» (научный руководитель Н. Б. Иванов). С сентября 2003 года стал работать на кафедре философии науки и техники. В 2010-2012 годах — докторант кафедры философской антропологии СПбГУ, где подготовил докторскую диссертацию «Социальная антропология бытия». Автор более 40 научных статей, монографии «Фигуры террора» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007), посвященной социальной антропологии насилия. Лауреат премии Санкт-Петербургского философского общества «Вторая навигация» в номинации «Философский дебют» (2007).

Сфера научных интересов — экзистенциальная аналитика чувственности, история «техник тела», новоевропейская научная революция, практики признания истины, философская христология.

Читал авторские курсы лекций по философии языка, истории и философии науки, философским аспектам антропосоциогенеза, исторической эпистемологии наук о человеке. Наиболее значимые публикации последних лет: «К политической антропологии сфер», «Теологические аспекты генеалогии новоевропейской науки», «Номос аппаратов», «Теория кукол (лабиринт Платона)», «Волшба вещей: фетиши». Участник многих международных научных форумов, актуальных телепередач, художественных акций. Завершил работу над монографией «Жребии человеческого. Очерк тотальной антропологии».

К ПРОБЛЕМЕ ДЕМОНИЗМА МЕТАФИЗИКА (Памяти Николая Грякалова)

© А. Н. Огарков

**Огарков
Александр Николаевич**
кандидат философских наук,
доцент
Институт государственного
управления права
и инновационных технологий
(Санкт-Петербургский филиал)
e-mail: kolesnikovid@mail.ru

«Сегодня будет две телеги. Первая касается Бога, вторая коррупции как следствия Бога... Бог коррупции обыкновенно понимается как примитивная трансцендентальная развертка и принцип дополнительности в механической телеологии Слишком Человеческого, тогда как Бог есть кость. Для скандинавского берсерка Бог — это дейктический оператор продуктивной анестезии и последующей возгонки хюбриса, исполняемый знак, приводимый в режим развертки вовлеченными в кататонический танец телами воинов, проводящих сигнал на уничтожение излишков материи...»

Примерно так он начинал, после традиционного минутного молчания, вдруг снимая с лица вежливость и участие, становясь вестником принудительной необходимости касаться *непреодолимых вещей*, если уж кем-то придуманы логические связки и слова. Бритоголовый, весь словно блестящий отшлифованный брусок свинца. Наборный пиратский пояс, кожаная жилетка, тяжелые ботинки, белоснежная рубашка, четки — театральные набор избранных, знак покоя перед последней определенностью, за которой рельеф предметного мира теряет свою декоративную светоносность.

Свидетельствую: дежурный свет *очевидности* мгновенно умался и генерировался с этого момента только невыносимыми словами, на которые этот человек отчего-то имел право, всякий раз отвоевываемое заново в течение пяти минут. Неприличная, невозможная, возвышенная сила трансформировала это тело речи, уничтожавшее на глазах *герменевтику*.

Господа и дамы, возможна ли аутентичная метафизика? Правильный ответ «нет», она уничтожена бюрократической философией, как уничтожено рассуждение Сократа гройсовской вежливой подозрительностью, в которую добавлен фармакон неподлинности, а вместо чувства Бога подставлено чувство Денег. Понятно всем — и нам, и автору, что эта подставка неправильна, что это *подстава*, искусный подлог, но софистический вес на динамических весах кажется большим, чем метафизический. Быть человеком со свойствами неприлично, быть на дистанции принципиальной недостижимости, напротив, первое условие правильного выбора места. С другой стороны, *антрополога* поджидает фетишизм историков философии, над ним нависают канонические тексты, непостижимые и, конечно же, подлежащие уточнению, вся эта угрожающая бесконечность, выведенная в немецких университетах, все эти философские общества, все эти специальные люди, которые десятилетиями читают вводные лекции (я так понимаю, что вы знакомы уже с тремя Критиками Канта?). О да, нам хватит этой филологии еще на тысячу лет...

Николай, улыбаясь незабываемой радостной улыбкой, говорит в подобном случае, что не философ он, не историк философии и даже не феноменолог, а всего лишь дежурный антрополог человечества. И вот сейчас он будет говорить немного о костях, немного о традиции и совсем чуть-чуть о книгах; таким он видит просвет в массиве человекознания — немного дополненную из разных архаических первоисточников антропологию.

Я подошел к нему в конце первого его занятия, проводимого в формате диалога с А. Секацким. Конечно, это была ошибка доступа. Видят друг друга только равные, а равенство нужно подтвердить, как подтверждается вход на определенный ресурс. Принципом ограничения доступности руководствуются все те, кто сильно рискует, каждый день растождествляя нормативное сознание. Тяжелая работа, требующая определенной техники безопасности, работа Бегущего по Лезвию... Таких ненавидят *обыкновенные* и пытаются уничтожить *репликанты*.

Николай улыбается второй раз, и срабатывает ретроактивный эффект. Он становится похож на Цинциннату. Рефлексивная зона затемняется, и все оказывается *под подозрением*, но не согласно валоризационно-инновационным критериям Гройса, а, как сказал бы Пелевин, согласно парадоксальным identities,

формируемым не вектором всеобщего времени, всегда содержащего файл отчуждения, а отношениями напряженных знаков, за которыми, как сказал бы Ницше, стоят силы. Сила же соотносится только с силой. Большая История больше не работает на творчество, в ней не срабатывают потенциалы разнородности, а значит, беспорядочно рассеиваемая в ноосфере предметность напыляется на самую выразительную сингулярность, и верх одерживает самая герметичная и хорошо дифференцированная монада. Монадология совершенствуется, и сообщаются только те монады, которые возмещают недостачу смысла наиболее продуктивно. Тогда потенциалом событийности оказываются наиболее выразительные смыслополагающие стратегии, сшивающие вещи с изнанки, производящие идеи на субстрате уже произведенной предметности, а поскольку скрепляющие гармонию формы разрушены шизофреническими машинами капитализма, то условием возрастания к могуществу не только Джонни Мнемоника, но и *антрополога* Николая оказывается продуктивное обнуление пустых и мертвых *накопителей* знания.

Спустя некоторое время стало окончательно ясно, что Николай скорее союзник Вильяма Гибсона и Филипа Дика, чем Канта и Гегеля. Он решал сверхзадачу современной монадологии, именуемой киберпанком, и определял человекомерность согласно тонкой методике блуждающей эмпатии. В каталоге его ссылок значился роман «Убик», в котором кажущаяся вечной эйдетическая самодостаточность *машин* вдруг катастрофически сворачивается до первичных форм, а сложность актуальной сборки сознания восстанавливается только предельным напряжением специалиста по смыслополаганию.

Странности накапливаются в предопределенностях: Николай был хорошо рожден, для цеха вузовских преподавателей это достаточные и необходимые условия легкой коррекции хорошего вкуса ребенка, большая библиотека и родительский пример, не допускающий неподконтрольных отклонений от равномерного и прямолинейного движения к докторской степени и месту профессора в одном из статусных учреждений, список которых известен. Но произошел какой-то сбой в геноме, как это всегда бывает в случае с демоном гениальности, и ракета, наводимая в знакомый космос, нашла свою стартовую площадку.

Точно по Гигеричу, Николай определил положение мономаниакального зануления и получил совозможности: корреляцию воображения как свойства оптимально организованной монады и тела как отправной точки правильно устроенного овеществления. Это положение позволяло ему подвергать предельному напряжению и то, и другое, в результате возникли неподконтрольные программе здравого смысла контаминации. На сцену, где разыгрывались длинные рассуждения, вышел тот, кто умел их сворачивать и вовсе отменять. Но предварительно нужно было стать *sensibility*, приобрести силу пластичности для реакции на наибольшее количество возможных разнородных воздействий. Только тогда можно было обрести право голоса и легко отследить генеалогию бесконечной *пустой речи*, а заодно и метить ее агентов, что Николай довольно часто делал согласно этому праву. Я был свидетелем одного такого случая, когда оказался оппонентом одной примечательной диссертации по раннему Марксу. В силу отворачивания к марксизму как идеологическому

феномену своей юности советская профессура отказывалась рассматривать это явление содержательно, тогда как марксизм интенционально все сильнее приближается к киберпанку. Диссертация была «зарублена», после чего на сцену вышел Николай и произнес одну из своих лучших и абсолютно бесстрашных речей, достойную аплодисментов самого Маркса.

Когда-то на глубине, временами мгновенно, а по большей части неспешно, возникло то, что обычно роковым образом или банально разделено и не выходит за пределы общего для неразвитых желаний либидинозного источника — единство чувствительности, точности рецепций — и силы. Коля был столько же чист, сколько и сложен, это бросалось в глаза любому случайному прохожему. Поэтому первые места перед его столом занимали те, кто, будучи не в состоянии бороться со столь образцовой организацией духа и подготовить адекватный волевой ответ на изощренный и хорошо артикулированный гистрионизм, влачили к его источнику. На философском факультете это тяготение всегда было знаком наличия трансцендентальной вытяжки, подвергающей метаморфозу не только сложноорганизованные сущности, но и витальные образования, по разным причинам неспособные к усложнению. Поэтому близ Николая всегда можно было наблюдать не только представителей художественных сообществ, но и проводников неартикулированного художественного вкуса, которых принято называть маргиналами, со всеми степенями ослабленного контроля над бодрствующим сознанием.

Здесь возникает искушение заключить, что такова природа их избранника, и сознание Николая — прихотливая двойственность, периодически сбрасывающая невыносимую и паразитарную тяжесть в акциях декаданса и безудержного анархического активизма в духе «Бойцовского клуба». Но это вовсе не тот случай экзотической расщепленности буржуазного интеллектуала, порождающей моторного компенсаторного антагониста, на который указывает Жижек. Даже поверхностное знакомство с научной продукцией Николая заставляло сделать единственный вывод о сознании *нон-стоп*, не допускающем праздности и отзавания. Иначе, как у пианиста, не играющего хотя бы день, пропало бы *интонирование*.

Прежде не приходилось сталкиваться с такой пластичной корреляцией элементов речи и письма, открывающей пугающий доступ к событиям *daseine*. Ведь быть актуальным в порядке слов значит контролировать и логические классы в режиме поступательного движения письма, и парадоксальные синтезы речи, которая *безумна*, делает круги и петли, свертывается до принуждающего жеста или невыносимого молчания, а потом вновь возникает из ничего.

Коля взлетал над *архивами* вертикально и с предельной скоростью. Всякому знакомо болезненное оцепенение *случайных* и восторг остальных перед событием подлинности речи и эпифанией правильно говорящего. В среде «мастеров слова», насыщенной графоманами, эту недостачу подлинности каждый решает по-своему: кто-то путем фабрикации единственного вечного текста собственных лекций, кто-то обходясь вариантом учебного обескровленного перечисления школ и учений, а кто-то неспешным способом Сократа, отставляя в сторону проблему интенсивностей и скоростей, верных союзников оригинальности.

Николай же создавал текст с максимальной концептуальной длиной пробега и минимальным временем выгорания его значений в речи. Значение ее определялось метонимически, в соотношении с возрастающим разнообразием и интенсивностью ее исполнителя и сложностью задачи. «Жизнь» не знает академического времени, а является реализацией предустановок, предъявляемых для продуктивных обменов.

Таково неизбежное рассогласование соматических событий, в центре которых неустанная забота о себе в составе материи, и символического порядка, не позволяющего быть и при себе, и в собственной речи. Николай совершил критическое количество предельных усилий, чтобы и соединять, и разделять и то, и другое в радикальном возвышенном действии продуктивных обменов своей подлинности.

Тем самым он обеспечил становление себе и свободу всем, пребывая в параллельных мирах, согласующихся, конечно, с любой монадой аналогичной сложности. Это желанный, но сверхзатратный и смертельно опасный режим для избранных.

* * *

В романе Владимира Орлова «Альтист Данилов» командированный на Землю демон имеет поручение небесной канцелярии причинять людям мелкий, но чувствительный урон. Но демону так понравились люди и внутримирная жизнь, что он игнорировал Договор и был приговорен за это к лишению сущности и забвению. С Николаем Грякаловым этого сделать никак не получится.